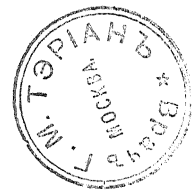
М. БАКУНИНЪ



ПЕРВЫЙ ОПЫТЪ

СОЦІАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦІИ

(La commune de Paris et la notion d'Etat)

МОСКВА.
Изданіе „Равенства".

М. Бакунинъ.

Первый опытъ

Соціальной Революціи

МОСКВА
Изданіе „РАВЕНСТВА".

„Пров 38"

БИБЛИОТЕКА
ПОЛИЗОВТОЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
2941
24

Типографія „СОКОЛЪ". Тверская, Глинищевск.
пер., домъ Бахрушина.

Отъ издателей.

«Соціальная революція—дѣло далекаго будущаго», говорятъ соціалъ-демократы и соціалисты-революціонеры. Но что такое соціальное будущее народовъ? Что является движущей силой исторіи?—Экономическія измѣненія, измѣненія способовъ производства, развитіе производительныхъ силъ, говорятъ марксисты.

Но и самъ Марксъ и его послѣдователи признавали въ то же время, что люди сами дѣлаютъ свою исторію и что само товарное производство и развитіе производительныхъ силъ есть, въ конечномъ счетѣ, результатъ психологическаго взаимодѣйствія людей, что всѣ общественныя учрежденія, даже машины и «товары»—не что иное какъ объективированная психика людей.

И вотъ при томъ или иномъ способѣ производства наступаетъ революція; но мимо-

летная, кончающаяся въ три дня замѣной одного монарха или одного министерства другимъ, а великая революція, потрясающая всѣ основы стараго порядка, какой была первая французская и какой, несомнѣнно, будетъ современная русская революція. Окончивъ дѣло разрушенія, какія новыя учрежденія создастъ народъ? Откуда возьметъ онъ образцы этихъ формъ? Идеологи подскажутъ ему, что дѣлать на другой день послѣ паденія самодержавія, и народъ, безсознательный, проснувшійся, точно въ лѣсу, среди бушующаго вихря новыхъ мыслей, чувствъ и понятій, народъ, соціальная мысль котораго спала вѣка, захлороформированная старымъ режимомъ, пойдетъ за тѣмъ, кто первый поманитъ его призракомъ свободы и счастья. Если мы взглянемъ затѣмъ на полученные результаты съ точки зрѣнія исторической необходимости, то мы скажемъ, что все случилось такъ, какъ только и могло случиться по законамъ сущаго. Но теперь, пока будущее стоитъ еще у порога исторіи, долгъ каждаго соціалиста задаться вопросомъ: что будетъ, если дѣйствующія соціалистическія партіи теперь же поставятъ на своихъ знаменахъ, рядомъ съ разрушеніе самодержавія экспропріацію частной собственности и общественную организацію производства?

Останутся-ли рабочіе и крестьяне глухи

къ призывамъ соціалистовъ и даже болѣе того: смѣлый и открытый призывъ къ соціальной революціи и соотвѣтствующіе революціонные акты оттолкнутъ ли голодныхъ крестьянъ и безработныхъ пролетаріевъ отъ революціи вообще и бросятъ ихъ въ объятія умѣренно-буржуазныхъ партій, проповѣдующихъ прелесть эксплуатаціи и необходимость нищеты? Если да, то с.-р. и с.-д.—правы. Но если нѣтъ, если народъ не вступаетъ на путь соціальной революціи только потому, что его друзья и руководители не зовутъ его на этотъ путь, если соціалисты, предавшись политикѣ и посвятивъ свои силы осуществленію только политическаго, а не политическаго и экономическаго переворота одновременно, упустили возможность создать соціальную революцію, — чѣмъ искупятъ они свою измѣну соціализму?

Распространеніе извѣстныхъ идей, укрѣпленіе ихъ въ сознаніи широкихъ народныхъ массъ—вотъ что создаетъ будущее. И какъ бы ни были безконечно различны новыя идеальныя формы жизни отъ старыхъ, ихъ отдѣляютъ другъ отъ друга не вѣка, не тысячелѣтія, а лишь короткія мгновенія, въ теченіи которыхъ одна мысль успѣваетъ въ сознаніи человѣка смѣниться другою.

Вопросъ только въ томъ, чтобы эта другая мысль была истиной, ведущей къ счастью и

чтобы эта истина блеснула въ сознаніи массъ. Соціальная революція есть эта истина и ея распространеніе—насущная задача соціалистовъ. Они всегда должны помнить слова поэта:

«Неустанно сѣйте сѣмена грядущаго на путяхъ сегодняшняго дня! Иначе будущее никогда не станетъ настоящимъ».

Первый опытъ соціальной революціи.

Этотъ трудъ, какъ и все, до сихъ поръ написанное мною, вызванъ текущими событіями. Онъ служитъ естественнымъ продолженіемъ моихъ «Писемъ къ французу (сентябрь 1870 г.), въ которыхъ мнѣ на долю выпала не трудная, но скорбная честь предвидѣть и предсказать ужасныя бѣдствія, раздирающія нынѣ Францію, а съ нею и весь цивилизованный міръ; бѣдствія, противъ которыхъ было и есть только одно лѣкарство: соціальная революція.

Задача настоящаго труда — доказать эту отнынѣ неоспоримую истину какъ доводами, почерпнутыми изъ исторіи, такъ и фактами, совершающимися на нашихъ глазахъ въ Европѣ, и такимъ образомъ заставить всѣхъ чистосердечныхъ людей, искренно ищущихъ правды, принять эту истину и открыто, безъ умолчаній и обиняковъ, признать какъ философскіе принципы, такъ и вытекающія изъ нихъ практическія дѣйствія, составляющія, такъ сказать, дѣятельную душу, осно-

ваніе и цѣль того, что мы называемъ соціальной революціей.

Задача, взятая мною на себя, не легка. Я это знаю, и меня можно было бы обвинить въ излишней самонадѣянности, еслибъ я внесъ въ этотъ трудъ хотя малѣйшее личное притязаніе. Но могу увѣрить читателя, что этого нѣтъ. Я не ученый, не философъ и не писатель по профессіи. Въ теченіи моей жизни я очень рѣдко выступалъ въ литературѣ, и всегда или въ защиту себя, или вынужденный страстнымъ убѣжденіемъ, побѣждавшимъ во мнѣ инстинктивное отвращеніе ко всякому публичному проявленію моего «я».

Кто же я, и что побуждаетъ меня выпустить въ свѣтъ этотъ трудъ? Я—страстный искатель истины и не менѣе ожесточенный врагъ зловредныхъ вымысловъ, которыми и до нынѣ пользуется партія порядка, этотъ официальный представитель привилегированнаго меньшинства, въ интересахъ котораго отстаивать всѣ религіозныя, метафизическія, политическія, юридическія, экономическія и соціальныя гнусности, настоящія и прошедшія, имѣющія цѣлью—держать людей въ невѣжествѣ и рабствѣ. Я—фанатическій приверженецъ свободы, видящій въ ней единственную среду, гдѣ можетъ развиться и процвѣсти умъ, достоинство и счастье людей; не той

формальной свободы, жалованной, размѣренной и регламентированной государетвомъ, которая есть вѣчная ложь, и которая въ дѣйствительности представляетъ не что иное какъ привилегію избранныхъ, основанную на рабствѣ всѣхъ остальныхъ, не той индивидуалистической, эгоистичной, скудной и призрачной свободы, которая была провозглашена школой Ж. Ж. Руссо и всѣми другими школами буржуазнаго либерализма, и которая смотрѣла на такъ называемое общее право, выражаемое государствомъ, какъ на ограниченіе правъ каждаго отдѣльнаго лица,—что всегда и неизбѣжно сводитъ къ нулю право каждаго отдѣльнаго индивида.

Нѣтъ, я имѣю въ виду одну свободу, достойную этого имени, свободу, предоставляющую полную возможность развить всѣ способности интеллектуальныя и моральныя, скрытыя въ каждомъ человѣкѣ, свободу, не признающую иныхъ ограниченій, кромѣ предписанныхъ законами нашей собственной природы, что равносильно, собственно говоря, совершенному отсутствію ограниченій, такъ какъ эти законы не изданы какимъ либо законодателемъ внѣ насъ, рядомъ съ нами, или превыше насъ стоящимъ; они намъ присущи, неотдѣлимы отъ насъ, составляютъ самую основу нашего существа, какъ матеріальнаго, такъ и интеллектуально моральнаго; вмѣсто

того, чтобы извращать ихъ, мы должны ихъ разсматривать, какъ необходимыя условія и настоящую, дѣйствительную причину нашего стремленія къ свободѣ.

Я имѣю въ виду такую свободу каждаго, которая, входя въ соприкосновеніе съ свободой другихъ людей, не останавливается передъ ней, какъ передъ предѣльнымъ рубежомъ, но напротивъ, находитъ въ свободѣ другихъ свое подтвержденіе и возможность расширяться до безконечности; я имѣю въ виду свободу каждаго отдѣльнаго индивида, неограничиваемую свободой всѣхъ, свободу въ солидарности, свободу въ равенствѣ; свободу, восторжествовавшую надъ грубой силой и надъ самымъ принципомъ авторитета — неизмѣннымъ идеаломъ этой силы; свободу, которая ниспровергнувъ всѣхъ небесныхъ и земныхъ идоловъ, положитъ основаніе новому міру,— міру человѣческой солидарности на обломкахъ всѣхъ церквей и всѣхъ государствъ.

Я убѣжденный сторонникъ экономическаго соціальнаго равенства, такъ какъ я знаю, что внѣ этого равенства свобода, справедливость, человѣческое достоинство, нравственность и благосостояніе отдѣльныхъ лицъ такъ же, какъ и процвѣтаніе цѣлыхъ націй,—есть ложь. Притомъ, будучи приверженцемъ свободы, этого перваго условія человѣчности, я думаю, что равенство должно

быть установлено въ мірѣ путемъ добровольной организаціи труда и коллективной собственности, путемъ промышленныхъ ассоціацій въ коммунахъ и посредствомъ добровольной же федераціи коммунъ,—но отнюдь не черезъ верховную и покровительственную власть государства.

Это тотъ пунктъ, въ которомъ принципіально расходятся соціалисты-коллективисты, сторонники сильной власти и абсолютной инициативы государства съ федералистами и коммунистами. У нихъ одна цѣль: и та и другая партія одинаково стремится къ созданію новаго соціальнаго строя, основаннаго исключительно на коллективномъ трудѣ, самою силою вещей равномѣрно распредѣленномъ между всѣми безъ исключенія членами общества, при равныхъ для всѣхъ экономическихъ условіяхъ т. е. при условіи коллективной собственности на орудія труда. Только соціалисты-коллективисты воображаютъ, что они смогутъ придти къ этому путемъ развитія и организаціи политическаго могущества рабочихъ классовъ, въ особенности городского пролетаріата, рука объ руку съ буржуазнымъ радикализмомъ, между тѣмъ какъ коммунисты-федералисты, враги всякаго смѣшенія и всякаго двусмысленнаго союзничества, думаютъ, наоборотъ, что они достигнутъ этой цѣли путемъ развитія и организаціи не политиче-

скаго, но соціальнаго, слѣдовательно, антиполитическаго могущества рабочихъ массъ, какъ городскихъ такъ и сельскихъ, включая сюда также и людей, хотя и принадлежащихъ по рожденію къ высшимъ классамъ, но добровольно порвавшихъ со всѣмъ своимъ прошедшимъ, и открыто присоединившихся къ пролетаріату, принявъ его программу.

Отсюда два различныхъ метода. Соціалисты-коллективисты думаютъ, что нужно организовать силы рабочихъ, чтобы овладѣть политическимъ могуществомъ государствъ. Соціалисты-федералисты организуются, имѣя цѣлью уничтоженіе, или, если хотите болѣе мягкое выраженіе, ликвидацію государства. Коллективисты—сторонники принципа и примѣненія авторитета, соціалисты-же федералисты вѣрятъ только въ свободу. Тѣ и другіе—равно поклонники науки, долженствующей убить суевѣріе и замѣнить собою вѣру; но при этомъ первые находятъ возможнымъ уничтожать предразсудки и насаждать знанія посредствомъ декрета, между тѣмъ какъ вторые непосредственно заботятся о распространеніи наукъ, изъ сокровищницы которыхъ каждый черпаетъ то, къ чему чувствуетъ склонность, пропагандируютъ добровольную и свободную организацію въ группы и федераціи, опять таки въ полномъ согласіи съ

природными склонностями и насущными интересами, но отнюдь не по заранѣе начертанному плану, предписанному невѣжественнымъ массамъ нѣсколькими высшими умами.

Соціалисты-федералисты думаютъ, что въ инстинктивныхъ стремленіяхъ и въ реальныхъ нуждахъ народныхъ массъ гораздо больше осмысленнаго и практическаго разума, чѣмъ въ глубокомъ умѣ всѣхъ этихъ благодѣтелей и учителей человѣчества, которые, имѣя предъ собою печальный примѣръ столькихъ неудавшихся попытокъ—сдѣлать человѣчество счастливымъ, мечтаютъ еще о возможности вложить въ это дѣло свои усилія. Соціалисты же федералисты думаютъ, наоборотъ, что человѣчество достаточно долго, даже слишкомъ долго позволяло управлять собой, и что источникъ его несчастій заключается не въ той или иной формѣ правленія, а въ самомъ принципѣ и существованіи правительства, каково бы оно ни было.

Это разногласіе, между коллективизмомъ, научно изложеннымъ нѣмецкой школой и принятымъ отчасти англійскими и американскими соціалистами, съ одной стороны, прудонизмомъ, широко развитымъ и доведеннымъ до послѣднихъ выводовъ, принятымъ пролетаріатомъ латинскихъ странъ,—съ дру-

гой стало подъ конецъ историческимъ *). Революціонный соціализмъ только что сдѣлалъ попытку перваго блестящаго практическаго выступленія въ Парижской Коммунѣ.

* * *

Я—сторонникъ Парижской Коммуны, которая, будучи подавлена, утоплена въ крови палачами монархической и клерикальной реакціи, сдѣлалась чрезъ это болѣе жизненной, болѣе могучей въ воображеніи и въ сердцѣ Европейскаго пролетаріата; я—сторонникъ Парижской Коммуны въ особенности потому, что она была смѣлымъ, ясно выраженнымъ, отрицаніемъ Государства.

Что это практическое отрицаніе Государства имѣло мѣсто именно во Франціи, бывшей досель по преимуществу страной политической централизаціи, и именно въ Парижѣ, въ историческомъ центрѣ той великой французской цивилизаціи, которая и положила начало отрицанію государства,—это фактъ громадной исторической важности. Парижъ, разъѣнчивающій себя и съ энтузіазмомъ отрекающійся отъ своей власти во имя свободы

*) Онъ также принятъ славянскими народами такъ какъ болѣе соотвѣтствуютъ ихъ темпераменту и прирожденному отвращенію къ политикѣ. (Прим. автора.)

и жизни Франціи, Европы, цѣлаго міра! Парижъ, снова ставшій иниціаторомъ и тѣмъ снова подтвердившій свое историческое призваніе, показавъ всѣмъ рабскимъ народностямъ (а какіе же изъ современныхъ народовъ не находятся въ рабствѣ!) единственный путь освобожденія и спасенія! Парижъ, нанесшій смертельный ударъ политическимъ традиціямъ буржуазнаго радикализма и положившій реальное основаніе революціонному соціализму! Парижъ, вновь заслужившій проклятія всѣхъ реакціонеровъ Франціи и цѣлаго міра! Парижъ, въ смертельной ненависти къ ликующей реакціи похоронившій самого себя подъ дымящимися развалинами! Парижъ, спасшій цѣною своего разрушенія честь и будущность Франціи и доказавшій человѣчеству, что если жизнь, умъ, нравственная сила и исчезли въ высшихъ классахъ, то зато онѣ, могучія и полныя будущности, сконцентрировались въ пролетаріатѣ! Парижъ, освятившій новую эру, эру рѣшительнаго и полнаго освобожденія народныхъ массъ, эру ихъ солидарности, нынѣ вполнѣ осуществленной помимо государствъ съ ихъ искусственными границами! Парижъ, убившій патріотизмъ и основавшій на его развалинахъ религію человѣчества! Парижъ, провозгласившій себя гуманитарнымъ и атеистичнымъ, и замѣнившій божественные вымыслы великою реальностью соціальной жиз-

ни и вѣрой въ науку, которая замѣнила ложь и неправду религіозной, политической и юридической морали принципами свободы, справедливости, равенства и братства, этими вѣчными основами всякой человѣческой морали! Геройскій, раціональный и вѣрующій Парижъ, запечатлѣвшій своимъ великодушнымъ паденіемъ, своею смертью могучую вѣру въ судьбы человѣчества и завѣщавшій эту вѣру, еще болѣе могучую и живую, грядущимъ поколѣніямъ! Парижъ, затопленный кровью своихъ самыхъ благородныхъ сыновъ,— это человѣчество, приговорженное къ кресту сплоченной Европейской международной реакціей съ благословенія всѣхъ христіанскихъ церквей и великаго жреца неправды—папы! Будущая же международная и солидарная революція народовъ будетъ воскресеніемъ Парижа!

Таковъ истинный смыслъ и таковы великія, благодѣтельныя послѣдствія двухмѣсячнаго существованія и навѣки незабвеннаго паденія Парижской Коммуны.

Парижская Коммуна существовала слишкомъ недолго и была слишкомъ стѣснена въ своемъ внутреннемъ развитіи смертельной борьбою, которую ей приходилось выдерживать противъ Версальской реакціи, чтобы быть въ состояніи, я уже не говорю, примѣнить, но хотя бы выработать теоретически

свою соціалистическую программу. Къ тому же, большинство членовъ коммуны не были соціалистами по убѣжденію, а если они считались таковыми, то лишь потому, что они были вовлечены въ соціализмъ непреоборимою силою вещей, самою природою среды, въ которой они вращались. Соціалисты, во главѣ которыхъ естественно пришлось стать нашему другу Варлену, составляли въ Коммунѣ очень незначительное меньшинство; ихъ было не болѣе четырнадцати или пятнадцати человѣкъ. Остальные были по преимуществу якобинцы. Но нужно оговориться, есть якобинцы и якобинцы. Есть якобинцы, адвокаты и доктринеры, какъ Гамбетта, позитивный республиканизмъ *) котораго, надменный, деспотическій и педантичный, утратившій бывшую революціонную вѣру и сохранившій отъ якобинства только культъ централизаціи и власти, предалъ народную Францію пруссакамъ, а позднѣе мѣстной реакціи. И есть якобинцы, непримиримые революціонеры, герои, послѣдніе могикане демократической вѣры 1793 года, готовые скорѣе пожертвовать единствомъ власти ради нуждъ революціи, чѣмъ поступиться своею совѣстью передъ наглостью реакціи. Эти великодушные яко-

*) Смотри его письмо къ Литтре въ „Le progres de Lyon". (Примѣч. автора).

бинцы, во главѣ которыхъ стоялъ Делеклюзъ, великая душа и сильный характеръ, хотятъ прежде всего торжества революціи; а такъ какъ никакая революція невозможна безъ участія народныхъ массъ и такъ какъ эти массы, руководимыя безсознательнымъ соціалистическимъ инстинктомъ, въ настоящее время могутъ произвести только экономическую и соціальную революцію. то правовѣрные якобинцы, постепенно увлекаемые логикой революціоннаго движенія, кончаютъ тѣмъ, что дѣлаются соціалистами, сами не отдавая себѣ въ томъ отчета.

Именно таково было положеніе якобинцевъ, принявшихъ участіе въ Парижской Коммунѣ. Делеклюзъ и многіе другіе вмѣстѣ съ нимъ подписывались подъ программами и прокламаціями, общій смыслъ и обѣщанія которыхъ были положительно соціалистичны. Но такъ какъ, несмотря на все свое чистосердечіе и самоотверженность, они были соціалистами по неволѣ, а не по убѣжденіямъ, и такъ какъ у нихъ не было ни времени, ни возможности побѣдить и уничтожить въ себѣ массу буржуазныхъ предразсудковъ, стоявшихъ въ роковомъ противорѣчіи съ ихъ практическимъ соціализмомъ, то само собой станетъ понятнымъ, почему, утомленные этой внутренней борьбой, они не оказались способными ни возвыситься надъ большинствомъ,

на принять одну изъ тѣхъ рѣшительныхъ мѣръ, которыя порвали бы навсегда ихъ солидарность и всѣ ихъ связи съ міромъ буржуазіи.

Это было величайшимъ несчастіемъ и для Коммуны, и для нихъ самихъ; они были обезсилены этимъ противорѣчіемъ и обезсилили Коммуну. Но нельзя ставить имъ въ упрекъ эту ошибку: люди не перерождаются въ одинъ день, не измѣняютъ своей натуры и своихъ привычекъ по первому желанію. Они доказали свою искренность, отдавъ за Коммуну свою жизнь. Кто осмѣлится требовать большаго?!

Имъ это тѣмъ болѣе простительно, что самъ парижскій народъ, подъ давленіемъ котораго они мыслили и дѣйствовали, былъ соціалистомъ болѣе по инстинкту, чѣмъ по примѣру или по строго обдуманному убѣжденію.

Всѣ его практическія тенденціи были въ высшей степени соціалистичны, но его идеи, его традиціонныя понятія стоятъ далеко ниже этого уровня. У пролетаріата большихъ городовъ Франціи такъ же, какъ и у парижскаго пролетаріата, есть еще много якобинскихъ предразсудковъ: о могуществѣ централизованной власти, о спасительности диктатуры и проч. Культъ власти, роковой продуктъ религіознаго воспитанія, этотъ первоисточ-

никъ всѣхъ историческихъ золъ, народной испорченности и порабощенія, еще не былъ дискредитированъ и искорененъ изъ его сознанія. Это до такой степени вѣрно, что даже наиболѣе интеллигентные сыны народа, самые убѣжденные соціалисты не въ состояніи окончательно отрѣшиться отъ этого предразсудка. Загляните поглубже въ сердце каждаго изъ нихъ, и вы тамъ найдете якобинца, сторонника государства, правда, скромно притаившагося въ какомъ-нибудь темномъ уголкѣ, но все же не совсѣмъ еще умершаго. Какъ слѣдствіе этихъ причинъ, положеніе немногочисленныхъ убѣжденныхъ соціалистовъ, принимавшихъ участіе въ Коммунѣ было чрезвычайно трудно. Не чувствуя подъ собой почвы въ поддержкѣ значительнаго большинства парижскаго населенія, секція международной ассоціаціи, плохо съорганизованная, едва насчитывавшая въ своихъ рядахъ нѣсколько тысячъ человѣкъ, должна была выдерживать ежедневную борьбу съ якобинскимъ большинствомъ. И притомъ при какихъ обстоятельствахъ! Она должна была организовывать, вооружать, давать работу и хлѣбъ нѣсколькимъ сотнямъ тысячъ рабочихъ на пространствѣ такого огромнаго города, какъ Парижъ, притомъ осажденнаго и угрожаемаго съ одной стороны голодомъ, а съ другой-гнусными происками со стороны реакціи,

прочно утвердившейся въ Версалѣ съ разрѣшенія и по милости Пруссаковъ. Правительству и Версальскому войску они были вынуждены противопоставить революціонное правительство и войско, т. е. чтобы одолѣть монархическую и клерикальную реакцію, они должны были, забывъ и поступившись первыми условіями революціоннаго соціализма, прибѣгнуть къ якобинской реакціи.

Не естественно ли, что, при подобномъ стеченіи обстоятельствъ, якобинцы, составлявшіе большинство Коммуны и обладавшіе въ несравненно большей степени чѣмъ соціалисты политическимъ инстинктомъ, традиціей и практикой правительственной организаціи имѣли, по сравненію съ соціалистами, огромныя преимущества? Нужно еще удивляться тому, что они не воспользовались этими преимуществами въ гораздо большей степени и не придали возстанію Парижа исключительно якобинскаго характера, а были силою вещей вовлечены въ соціальную революцію.

Я знаю, что многіе соціалисты, весьма послѣдовательные въ своихъ теоріяхъ, упрекаютъ нашихъ парижскихъ друзей въ томъ, что они выказали себя въ недостаточной мѣрѣ соціалистами въ своихъ революціонныхъ дѣйствіяхъ; въ то же время всѣ крикуны буржуазной прессы, наоборотъ, обвиняютъ ихъ

въ «преступной послѣдовательности» въ дѣлѣ осуществленія соціалистической программы. Оставивъ пока въ сторонѣ гнусныхъ допосчиковъ этой прессы, я долженъ замѣтить по адресу строгихъ теоретиковъ соціализма, что они неправы по отношенію къ нашимъ парижскимъ товарищамъ, потому что теоріи, даже самыя разработанныя, отдѣляются отъ ихъ практическаго осуществленія безконечнымъ пространствомъ, которое въ нѣсколько дней не перешагнешь.

Если кто имѣлъ, напримѣръ, счастіе знать Варлена, въ гибели котораго теперь уже нельзя, къ несчастью, сомнѣваться, тому достаточно только напомнить его имя, чтобъ показать, сколько въ немъ и въ его друзьяхъ было пламенной, глубокой и продуманной соціалистической убѣжденности. Для тѣхъ, кто зналъ ихъ близко, это были люди, энтузіазмъ, самоотверженность и искренность которыхъ были внѣ всякаго сомнѣнія. Но именно потому, что они были людьми честными, лишенными самомнѣнія и высокомѣрія, ихъ дѣеспособность и была парализована сознаніемъ громаднаго дѣла, которому они посвятили и душу свою и жизнь! Кромѣ того, по ихъ глубокому убѣжденію въ дѣлѣ соціальной революціи, діаметрально противоположной во всемъ революціи политической, дѣйствія отдѣльныхъ лицъ были почти ни-

чѣмъ, а самопроизвольная дѣятельность массъ должна была быть всѣмъ. Разработать, освѣтить и распространить идеи, отвѣчающія народному инстинкту, и своими непрестанными усиліями придать революціонной организаціи стихійную мощь народнаго движенія—вотъ все, что могутъ сдѣлать отдѣльныя лица, и ничего болѣе; все остальное должно и можетъ быть сдѣлано только самимъ народомъ. Думай они иначе, они неизбѣжно пришли бы опять къ политической диктатурѣ т. е. къ возстановленію государства, къ привилегіямъ, неравенству, и пришли бы хотя обратнымъ, но логическимъ путемъ къ возстановленію политическаго, соціальнаго и экономическаго рабства народныхъ массъ.

У Варлена и его друзей, какъ у всѣхъ искреннихъ соціалистовъ и, вообще, у всѣхъ тружениковъ, родившихся и выросшихъ среди народа, было въ высшей степени развито это вполнѣ законное предубѣжденіе противъ иниціативы, исходящей отъ отдѣльныхъ лицъ, предубѣжденіе противъ властвованія высшихъ индивидуальностей, и такъ какъ они были послѣдовательны, то и распространяли это предубѣжденіе и это недовѣріе и на самихъ себя такъ же, какъ и на другихъ людей.

Вопреки убѣжденію авторитарныхъ коллективистовъ.—по моему, совершенно ошибочному,

что соціальная революція можетъ быть предписана и организована при посредствѣ диктатуры или учредительнаго собранія какъ естественное слѣдствіе политической революціи, наши друзья, парижскіе соціалисты, думали, что соціальная революція можетъ быть совершена и руководима самопроизвольнымъ дѣйствіемъ, исходящимъ изъ народныхъ массъ, группъ и ассоціацій.

Наши парижскіе товарищи были тысячу разъ правы. Потому что, въ самомъ дѣлѣ, какой умъ настолько геніаленъ, или — если хотятъ говорить о коллективной диктатурѣ, хотя бы состоящей изъ нѣсколькихъ сотенъ лицъ, одаренныхъ высшими способностями,— какая комбинація интеллектовъ могла бы быть настолько цѣлесообразной, чтобы обнять безконечное множество и разнообразіе реальныхъ интересовъ, убѣжденій, желаній и потребностей, составляющихъ въ суммѣ коллективную волю народа, и чтобы изобрѣсти соціальную организацію, могущую удовлетворить всѣхъ? Эта организація будетъ всегда Прокрустовымъ ложемъ, на которомъ насиліе, болѣе или менѣе санкціонированное государствомъ, заставило бы улечься несчастное общество. Такъ было до сихъ поръ. И именно этой старой системѣ организаціи, основанной на насиліи, соціальная революція должна положить конецъ, предоставивъ полную свободу

массамъ, группамъ, коммунамъ, ассоціаціямъ, а также и отдѣльнымъ индивидамъ и, уничтоживъ разъ навсегда историческую причину всякаго насилія—самое существованіе государства, паденіе котораго увлечетъ за собою всѣ несправедливости юридическаго права и всю ложь различныхъ культовъ, такъ какъ это право и эти культы никогда не были ничѣмъ инымъ, какъ услужливой санкціей всякихъ насилій, нравственныхъ и физическихъ, осуществляемыхъ, поддерживаемыхъ и поощряемыхъ государствомъ.

Очевидно, что только тогда человѣчество получитъ свободу, и только тогда истинные интересы общества, всѣхъ группъ, всѣхъ мѣстныхъ организацій а также и всѣхъ отдѣльныхъ лицъ, его составляющихъ, получатъ полное осуществленіе, когда государство не будетъ болѣе существовать. Очевидно, что всѣ такъ называемыя, общественныя функціи государства въ дѣйствительности представляютъ не что иное, какъ рѣшительное и безпрерывное отрицаніе насущнѣйшихъ интересовъ отдѣльныхъ областей, коммунъ, ассоціацій и огромнѣйшаго числа людей, подчиненныхъ государству. Эти общественныя функціи представляютъ нѣчто отвлеченное, фикцію, ложь, и государство въ цѣломъ есть подобіе обширной бойни или огромнаго кладбища, гдѣ незамѣтно, въ тѣни, и прикрываясь

этимъ отвлеченнымъ нѣчто, этой абстракціей, съ притворнымъ сокрушеніемъ, приносятся въ жертву и погребаются всѣ лучшія стремленія, всѣ живыя силы страны; и такъ какъ никакая абстрактность не существуетъ сама по себѣ и для себя, не имѣя ни ногъ, чтобы ходить, ни рукъ, чтобы творить, ни желудка, чтобы переваривать ту массу жертвъ, которую ей предоставляется поглотить, то ясно, что, какъ религіозная или небесная абстрактность, Богъ, представляетъ въ дѣйствительности весьма положительные, весьма реальные интересы только привилегированной касты, духовенства, такъ и ея земное дополненіе, политическая абстрактность, государство, представляетъ не менѣе положительные и реальные интересы буржуазіи, того класса, который включая въ себѣ и всѣ другіе высшіе классы, главнымъ образомъ, если не исключительно, является эксплуатирующимъ.

Уничтоженіе церкви и государства должно быть первымъ и необходимымъ условіемъ настоящаго раскрѣпощенія общества. Только послѣ этого оно можетъ и должно устроиться по-иному: но только произойти это должно не сверху внизъ, и не по воображаемому плану, начертанному нѣсколькими мудрецами и учеными, и не въ силу декретовъ, изданныхъ какимъ нибудь диктаторомъ или даже національнымъ собраніемъ, избраннымъ посредствомъ

всеобщей подачи голосовъ. Реформа сверху внизъ, какъ я уже не разъ повторялъ, неизбѣжно привела бы къ созданію новаго государства, и, слѣдовательно, къ образованію новой правящей аристократіи т. е. цѣлаго класса людей, не имѣющихъ ничего общаго съ народной массой; и, конечно, этотъ классъ опять бы началъ эксплуатировать и порабощать массы подъ предлогомъ общаго счастья и спасенія государства.

Будущая соціальная организація непремѣнно должна быть реализирована по направленію снизу вверхъ, посредствомъ свободной ассоціаціи или федераціи рабочихъ, начиная съ союзовъ, коммунъ, областей, націй и кончая великой международной федераціей. И только тогда осуществится цѣлесообразный, жизнеспособный строй, тотъ строй, въ которомъ интересы личности, ея свобода и счастье не будутъ больше противорѣчить интересамъ общества. Говорятъ, что интересы отдѣльныхъ лицъ несовмѣстимы и несогласуемы съ интересами общества, что нхъ гармонія никогда не будетъ фактически осуществлена, въ силу ихъ органической противоположности. На такое возраженіе я отвѣчу, что, если до настоящаго времени эти интересы никогда и нигдѣ не были во взаимной согласованности, причиной этого было государство, жертвовавшее интересами большинства въ пользу при-

вилегированнаго меньшинства. И вся эта пресловутая несовмѣстимость и эта мнимая борьба личныхъ интересовъ съ интересами общества есть не что иное, какъ политическое надувательство и ложь, получившая свое начало въ теологической лжи, измыслившей доктрину первороднаго грѣха, чтобы обезславить человѣка и уничтожить въ немъ сознаніе своей цѣнности. Эта ложная идея несовмѣстимости интересовъ была усвоена и метафизикой, которая, какъ извѣстно, состоитъ въ близкомъ родствѣ съ теологіей. Отрицая общественные инстинкты, прирожденные человѣческой природѣ, метафизика смотритъ на общество какъ на механическій и искусственно созданный аггрегатъ индивидовъ, соединившихся случайно, въ силу какого-нибудь формальнаго или безмолвно принятаго договора, заключеннаго или свободно, или же подъ вліяніемъ высшей силы. Предполагается, что до своего соединенія въ общество, эти индивиды, одаренные яко-бы безсмертной душой, наслаждались полной свободой.

Но если справедливо утвержденіе метафизиковъ, что люди, особенно тѣ изъ нихъ, коры вѣрятъ въ безсмертіе души, внѣ общества могутъ быть свободными существами, то отсюда съ неизбѣжностью слѣдуетъ выводъ, что люди могутъ соединяться въ общество только при условіи отрицанія своей свободы,

своей прирожденной независимости и предварительно отрекшись отъ всѣхъ своихъ интересовъ, какъ личныхъ такъ и групповыхъ. Въ подобномъ самоотреченіи и самопожертвованіи должно быть тѣмъ болѣе величія, чѣмъ многочисленнѣе общество и чѣмъ сложнѣе его организація. И въ этомъ смыслѣ государство есть выраженіе всѣхъ жертвъ личности. Имѣя столь отвлеченное и въ то же время столь насильственное происхожденіе, государство продолжаетъ, разумѣется, и донынѣ стѣснять, все болѣе и болѣе свободу личности во имя той лжи, которая носитъ названіе «общаго счастія», а въ дѣйствительности есть не что иное какъ благоденствіе господствующаго класса. Такимъ образомъ, въ результатѣ, государство является систематическимъ отрицаніемъ и могилой всякой свободы, всѣхъ интересовъ, какъ индивидуальныхъ такъ и общественныхъ.

Въ метафизическихъ и теологическихъ системахъ все обстоитъ благополучно. Вотъ почему творцы и защитники этихъ системъ могутъ и даже должны со спокойной совѣстью продолжать эксплуатировать народныя массы при посредствѣ Церкви и Государства. Набивая свои карманы и не ставя никакихъ преградъ своимъ нечистымъ вожделѣніямъ, они могутъ въ то же время утѣшать себя мыслью, что они трудятся во славу Божію, во имя

торжества цивилизаціи и грядущаго благоденствія пролетаріата.

Но мы, другіе, не вѣрящіе ни въ Бога, ни въ безсмертіе души, ни въ метафизическую свободу воли, мы утверждаемъ, что свобода должна быть понимаема въ самомъ реальномъ, самомъ обширномъ смыслѣ слова, понимаема какъ цѣль историческаго развитія человѣчества. По странному, хотя логически послѣдовательному контрасту, наши противники, идеалисты теологіи и метафизики, принимая принципъ свободы за основу и базу ихъ теоріи, выводятъ изъ него заключеніе о необходимости рабства людей. Мы же, другіе, матеріалисты въ теоріи, стремимся на практикѣ осуществить и упрочить разумный и благородный идеализмъ. Наши враги, божественные и трансцендентальные идеалисты, въ силу логическаго закона, по которому всякое развитіе приводитъ въ концѣ концовъ къ отрицанію своей исходной точки, нисходятъ до практическаго матеріализма, жестокаго и подлаго. Мы же убѣждены, что все богатство умственнаго, нравственнаго и матеріальнаго развитія человѣка точно такъ же, какъ и достигнутая имъ степень независимости, все это—продуктъ общественной жизни. Внѣ общества человѣкъ не только не сдѣлался бы свободнымъ, но и не сталъ бы человѣкомъ въ истинномъ значеніи этого слова, т. е. единственнымъ

сознательнымъ существомъ, мыслящимъ и владѣющимъ словомъ. Только благодаря общенію умовъ и коллективному труду, могъ человѣкъ выйти изъ дикаго и животнаго состоянія, составляющаго его первоначальную природу или же исходный пунктъ его развитія. Мы глубоко убѣждены въ той истинѣ, что все въ жизни людей: интересы, стремленія, потребности, иллюзіи, самыя глупости такъ же какъ и насиліе, несправедливости и всѣ поступки, кажущіеся произвольными, являются слѣдствіемъ взаимодѣйствія соціальныхъ инстинктовъ, присущихъ самой природѣ человѣка. Отрицаніе стихійной законосообразности въ отношеніяхъ людей такъ же нелѣпо, какъ было бы нелѣпо отрицаніе этой законосообразности въ проявленіяхъ неодушевленной природы.

Въ природѣ эта удивительная, считавшаяся теологами предустановленной, гармонія достигается непрерывной борьбой за существованіе и вымираніемъ неприспособленныхъ; и какъ въ природѣ, гдѣ нѣтъ борьбы и движенія, нѣтъ ни жизни, ни красоты, такъ и въ обществѣ, жизнь безъ борьбы есть смерть.

Если во вселенной царятъ гармонія и закономѣрность, то это только потому, что вселенная не управляется по какой-либо системѣ, заранѣе придуманной и предписанной высшей волей. Теологическая гипотеза божествен-

наго законодательства ведетъ къ очевидному абсурду и къ отрицанію не только всякаго порядка, но и къ отрицанію даже самой природы. Законы реальны лишь постольку, поскольку они неотдѣлимы отъ самихъ вещей т. е. не предписаны какой-либо внѣ ихъ стоящей властью. Эти законы не что иное, какъ простыя проявленія или неизмѣнныя свойства вещей и результаты ихъ разнообразныхъ комбинацій. Въ цѣломъ же все это составляетъ то, что мы называемъ «природа». Человѣческій умъ и созданная имъ наука изслѣдуютъ эти свойства и эти комбинаціи вещей, систематизируютъ и классифицируютъ ихъ путемъ опытовъ и наблюденій, и подобныя классификаціи и систематизаціи явленій и называютъ законами природы. Но сама природа не вѣдаетъ вовсе законовъ. Она дѣйствуетъ безсознательно, представляя собою безконечную измѣнчивость явленій, проявляющихся и повторяющихся непредъотвратимымъ, роковымъ образомъ. И только благодаря этой роковой неизбѣжности, порядокъ вселенной можетъ существовать и фактически существуетъ.

Та же стихійная зависимость и послѣдовательность явленій проявляется и въ человѣческомъ обществѣ, которое, по теоріи, эволюціонируетъ такъ называемымъ противоестественнымъ образомъ, въ дѣйствительности же подчиняется естественному и неизбѣжному

ходу вещей. Только та высшая ступень, на которой стоятъ люди по сравненію съ животными, и ихъ способность мыслить внесли въ развитіе человѣка особый элементъ, также совершенно естественный и являющійся продуктомъ матеріальнаго взаимодѣйствія силъ. Этотъ особый элементъ есть разумъ или, лучше сказать, способность къ обобщенію и отвлеченію, благодаря которой человѣкъ можетъ наблюдать и изучать самого себя наравнѣ съ предметами внѣшняго міра. Поднявшись затѣмъ мысленно еще выше надъ самимъ собою а также и надъ окружающимъ его міромъ, онъ приходитъ къ представленію полной абстракціи къ абсолютному ничто. Это «абсолютное» есть, въ сущности, не что иное, какъ самаспособность къ отвлеченію, которая пренебрегая всѣмъ, что существуетъ и дойдя до полнаго отрицанія бытія, находитъ въ этомъ свое успокоеніе. Это та послѣдняя грань наивысшей отвлеченности, это абсолютное Ничто и было названо Богомъ.

Вотъ историческій генезисъ и логическое основаніе всякой теологической доктрины. Не понимая природы и матеріальныхъ причинъ своихъ собственныхъ мыслей, не отдавая себѣ даже отчета въ условіяхъ ихъ возникновенія и развитія, первые люди и общества, конечно, не могли подозрѣвать, что ихъ абсолютныя познанія абсолютнаго были не болѣе какъ без-

плоднымъ раздраженіемъ способности къ творчеству отвлеченныхъ идей. Только въ силу этого недоразумѣнія они смотрѣли на эти идеи какъ на высшіе реальности, предъ которыми сама природа обращалась въ ничто. Потомъ они начинаютъ обожать свои вымыслы, свои представленія несуществующаго абсолютнаго, начинаютъ оказывать имъ всяческія почести. Затѣмъ является потребность какъ-нибудь болѣе конкретно представить абстрактную идею этого Ничто, т. е. Бога, сдѣлать ее болѣе осязательной для чувствъ. Съ этою цѣлью они расширяютъ понятіе божества, надѣляя его всѣми добрыми и злыми свойствами, какія имъ были извѣстны изъ наблюденія надъ природой и человѣкомъ.

Таково было происхожденіе и историческое развитіе всѣхъ религій, начиная съ фетишизма и кончая христіанствомъ. Мы вовсе не имѣемъ намѣренія заниматься исторіей религіозныхъ, теологическихъ и матафизическихъ абсурдовъ и еще менѣе собираемся распространяться о всѣхъ послѣдовавшихъ божескихъ воплощеніяхъ и явленіяхъ, созданныхъ вѣками варварства. Всѣмъ извѣстно, что суевѣріе порождало всегда массу самыхъ ужасныхъ золъ и заставляло проливать кровь и слезы цѣлыми потоками. Мы отмѣтимъ только, что всѣ эти возмутительныя заблужденія бѣднаго человѣчества въ процессѣ эволюціи обществен-

ныхъ организмовъ были исторически неизбѣжными фактами. Эти заблужденія зародили и распространили въ обществѣ роковую идею, овладѣвшую воображеніемъ людей, будто вселенная управляется сверхъестественной силой и волей. Вѣка смѣняли вѣка и общество до такой степени свыклось съ этой идеей, что наконецъ убило въ себѣ всякое стремленіе и даже самую способность къ прогрессу.

Властолюбіе сперва нѣсколькихъ лицъ, а затѣмъ цѣлыхъ общественныхъ классовъ возвело въ жизненный принципъ рабство и покорность, и вкоренило въ сознаніе порабощенныхъ вреднѣйшую изъ всѣхъ идей, идею божества. Съ тѣхъ поръ никакое общество не стало возможнымъ безъ этихъ двухъ основныхъ учрежденій: Церкви и Государства. Эти два бича общества защищаются всѣми доктринерами.

Какъ только появились въ мірѣ эти учрежденія, сразу организовались двѣ касты: каста духовенства и каста аристократовъ, которыя, не теряя времени, озаботились вбить глубоко въ голову порабощенному народу сознаніе необходимости, полезности и священности Церкви и Государства. Все это имѣло единственную цѣль — замѣнить рабство грубаго насилія рабствомъ законнымъ, предусмотрѣннымъ и освященнымъ волею Высшаго Существа.

Но сами аристократы и духовенство, вѣрили-ли они въ божественное происхожденіе институтовъ, какъ бы нарочито установленныхъ для ихъ пользы? Или же они были только лицемѣрами и обманщиками? Нѣтъ, я склоненъ думать, что они были въ одно и то же время и искренно вѣрующими, и лицемѣрами.

Они вѣрили, потому что они естественно и неизбѣжно раздѣляли заблужденія массъ, и только позднѣе, въ эпоху упадка древняго міра, сдѣлались скептиками и безстыдными обманщиками. Кромѣ того,—есть одно общераспространенное свойство человѣческой психики, которое заставляетъ думать, что основатели государствъ были людьми искренними. А именно: человѣкъ всегда легко вѣритъ въ то, чего онъ желаетъ и что не противорѣчитъ его интересамъ. Независимо отъ ума и образованія, изъ самолюбія, ради желанія пользоваться уваженіемъ окружающихъ, онъ всегда будетъ вѣрить въ то, что ему полезно и пріятно. Я убѣжденъ, напримѣръ, что Тьеръ и версальское правительство усиленно, всячески старались убѣдить себя, что, убивая въ Парижѣ нѣсколько тысячъ человѣкъ, женщинъ и дѣтей, они тѣмъ самымъ спасаютъ Францію.

Но если священники, авгуры, аристократы и буржуа древнихъ и новыхъ временъ и вѣрили искренно, то все же они были одно-

временно и обманщиками. Вѣдь нельзя допустить, чтобы они вѣрили въ тѣ абсурды, изъ которыхъ состоитъ религія и политика. Я уже не говорю объ той эпохѣ, когда, по словамъ Цицерона, «два авгура не могли посмотрѣть другъ другу въ глаза, чтобы не разсмѣяться». Трудно предположить, что позднѣе, хотя бы и во времена всеобщаго невѣжества и суевѣрія, изобрѣтатели средневѣковыхъ чудесъ вѣрили въ ихъ реальность. Точно также позволительно сомнѣваться и въ искренности правителей позднѣйшихъ временъ руководившихся въ политикѣ правиломъ: «порабощай и грабь народъ такъ, чтобы онъ не сѣтовалъ слишкомъ громко на свою судьбу, чтобы онъ не забывалъ о покорности и не имѣлъ времени на размышленія, легко приводящія къ протесту и возмущенію».

И ужъ совсѣмъ нельзя допустить, чтобы люди, сдѣлавшіе изъ политики ремесло, искусившіеся въ несправедливости, въ насиліи, во лжи, и въ измѣнѣ, неостанавливающіеся предъ массовыми и одиночными убійствами, могли искренно вѣрить въ искусство политики и въ государственную мудрость и считать государство источникомъ общественнаго благополучія. Они подлы, но не такъ глупы. Церковь и Государство были во всѣ времена главнѣйшими разсадниками пороковъ. Исторія можетъ засвидѣтельствовать ихъ преступле-

нія: повсюду и всегда священникъ и правитель были сознательными врагами народовъ и ихъ систематичными, неумолимыми и кровожадными палачами.

Но какъ же всетаки согласить двѣ, повидимому совершенно несогласимыя вещи: низшіе агенты правительства, они же обманщики и обманутые; другіе, — всесильные властители земли, и въ то же время лицемѣры? Логически это кажется несовмѣстимымъ, но фактически, т. е. въ практической жизни, эти качества мирно уживаются одно съ другимъ.

Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ люди живутъ въ противорѣчіи съ самими собой и не замѣчаютъ этого, пока какое-нибудь исключительное событіе не разбудитъ ихъ совѣсть отъ привычной спячки и не заставитъ оглянуться на себя и окружающее.

Въ политикѣ какъ и въ религіи большинство людей только маріонетки въ рукахъ привилегированныхъ эксплуататоровъ. Но грабители и ограбленные, порабощенные живутъ бокъ-о-бокъ другъ съ другомъ. управляемые горсточкой лицъ, на которыхъ, собственно, и слѣдуетъ смотрѣть какъ на истинныхъ эсплуататоровъ. Эти послѣдніе, свободные отъ всѣхъ предразсудковъ, политическихъ и религіозныхъ, сознательно угнетаютъ и держатъ народъ въ невѣжествѣ. Въ наше время такъ же безконтрольно, какъ

и въ XVII и въ XVIII вѣкахъ, до Великой Революціи, они безконтрольно и безпрепятственно владычествуютъ въ Европѣ, но скороскоро ихъ владычеству придетъ конецъ.

Въ то время, какъ главные вожаки обманываютъ и сознательно развращаютъ народъ, ихъ приспѣшники, креатуры Церкви и Государства, усердно стараются поддерживать вѣру въ святость и неприкосновенность этихъ гнусныхъ учрежденій. Если Церковь, по заявленію духовенства и большинства государственныхъ людей, необходима для спасенія души, то Государство, въ свою очередь, также необходимо для поддержанія мира, порядка и справедливости, и потому доктринеры всѣхъ школъ восклицаютъ: «Безъ Церкви и Правительства невозможна ни цивилизація, ни прогрессъ».

Намъ нечего заниматься обсужденіемъ проблемы вѣчнаго спасенія, потому что мы не вѣримъ въ безсмертіе души. Мы убѣждены, что самая вредная вещь для человѣчества, для истины, прогресса, есть Церковь. И можетъ ли это быть иначе? Развѣ не на Церковь возложена обязанность развращать подростающія поколѣнія, и въ особенности женщинъ? Развѣ не Церковь своими догматами, своею ложью, своими глупостями и своими пошлостями старается убить логику разума и науки? Развѣ не она посягаетъ на достоинство человѣка, извращая въ немъ понятіе о

правѣ и справедливости? Развѣ не она обращаетъ живое въ трупъ? Развѣ не она искажаетъ свободу, развѣ не она проповѣдуетъ вѣчное рабство массъ въ угоду тирановъ и поработителей? Развѣ не она, эта неумолимая Церковь, стремится продолжить до безконечности мракъ невѣжества, нищету и преступленія?

И если прогрессъ нашего вѣка — не сонъ обманчивый, онъ долженъ положить конецъ этому учрежденію.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

Изданія „РАВЕНСТВА“.

М. Бакунинъ. Богъ и Государство. Ц. 50 к.

М. Бакунинъ. Усыпители. Ц. 12 к.

Э. Малатеста. Краткая система анархизма Ц. 25 к.

Король и анархистъ. Разсказъ (пер. съ англійск.) Ц. 12 к.

Стенька Заяцъ. Какъ мужики остались безъ начальства. Сказка. Ц. 5 к.

А. Жираръ. Краткій очеркъ происхожденія и развитія анархизма. Ц. 10 к.

П. Кропоткинъ. Біографія Э. Реклю.
Э. Реклю. О русской революціи. } Ц. 10 к.

А. Жираръ. Краткій очеркъ происхожденія и развитіе анархизма, Ц. 10 к.

Шарль Альберъ. Отечество, война и казарма Ц. 12 к.

Цѣна 10 к.